

ВОСПОМИНАНИЯ А.И. КУЗНЕЦОВА ОБ АРХИЕПИСКОПЕ ПАВЛЕ (ГОЛЫШЕВЕ)

Публикуемые воспоминания посвящены памяти замечательного архиерея, исповедника архиепископа Павла (Голышева), с которым автор — А.И. Кузнецов, юрист и церковный историк, много лет состоял в дружеских отношениях.

Публикуемые ниже материалы хранятся в библиотеке Астраханского Архиерейского дома. Их автором является астраханский юрист Аркадий Ильич Кузнецов (1899–1980). Сведений о его жизни сохранилось не много. Самые подробные воспоминания об Аркадии Ильиче оставил М.Е. Губонин¹. А.И. Кузнецов родился в Санкт-Петербурге. Получил высшее юридическое образование. После революции переехал в Астрахань. Работал в системе советского судопроизводства. Женился, имел детей. Большое влияние на Аркадия Ильича оказало случайное знакомство, а затем и дружба со священномучеником Фаддеем (Успенским), архиепископом Астраханским. В 1924 г. А.И. Кузнецову посчастливилось в Москве общаться с Патриархом Тихоном, который благословил его начать собирать материалы по истории обновленческого движения для последующего написания книги. Это благословение было выполнено. Несколько лет назад Общество любителей церковной истории издало сборник по истории «обновленческого» раскола, куда вошла и книга А.И. Кузнецова. Аркадий Ильич долгие годы работал в Астрахани адвокатом, имея авторитет профессионала высокого уровня. При этом он, как человек православный, консультировал правящих астраханских архиереев, помогая им выстоять в противостоянии с безбожной властью. За помощь Церкви Аркадий Ильич пострадал. Как сообщает М.Е. Губонин, после многочисленных предупреждений А.И. Кузнецов был уволен из органов юстиции в конце 1950-х годов. Аркадий Ильич имел обширную переписку со многими видными церковными деятелями. Например, он переписывался с архиепископом Ермогеном (Голубевым), архиепископом Павлом (Голышевым) и некоторыми другими. Где

¹ См.: Патриарх Тихон и история русской церковной смуты. Кн. 1 / Сост. и авт. коммент. М.Е. Губонин. СПб: Сатисъ, 1994. С. 265.

сейчас находится его архив, и сохранился ли, – неизвестно. В 1970 г. А.И. Кузнецов участвовал в работе Предсоборной комиссии как представитель мирян от Астраханской епархии.

Публикуемые ниже воспоминания посвящены памяти замечательного архиерея, исповедника архиепископа Павла (Голышева). Это был один из тех немногих архиереев периода 1960–1970-х гг., для которых страх перед Богом превышал страх лишиться земного благополучия. Архиепископ Павел был участником Архиерейского Собора 1961 г., который под давлением государства изменил существовавший строй приходской жизни. Тогда Владыка не нашел в себе силы отказаться поставить подпись под соборным определением. Долгие годы совесть мучила его, он не мог простить себе такого малодушия. Об этом он, особенно не скрывая, говорил близким людям.

В 1965 г. Владыка Павел подписался под «Заявлением группы Архиереев», составленном архиепископом Ермогеном (Голубевым). Заявление, написанное вскоре после отстранения от власти Н.С. Хрущева, предлагало отменить неканонические решения Архиерейского собора 1961 г. Для того времени это был смелый поступок. С архиереями, подписавшими «Заявление», были проведены «серьезные» беседы, а архиепископ Ермоген, как инициатор, был лишен кафедры и отправлен «на покой». Владыка Павел занимал тогда Новосибирскую кафедру. Паства уважала и любила своего архиерея. Но власти старались отравлять жизнь Владыки с помощью внедренных в церковные советы безбожников, которые регулярно устраивали безобразные выходы. В конце 1960-х годов против Владыки была организована кампания по обвинению его в наркомании и гомосексуализме. Конечно, эта гнусная клевета не добавляла ему здоровья. Но архиепископ Павел продолжал свое исповедническое служение, решительно отстаивая интересы Церкви.

На соборе 1971 г. Владыка Павел твердо решил высказаться за отмену постановлений собора 1961 г. Власти, осведомленные об этом, сделали все, чтобы не допустить выступления архиепископа Павла на соборе. Давить на него открыто было нельзя, так как он был слишком известной личностью за границей, на соборе ожидалось много иностранных гостей. Вероятно, не без участия органов власти, произошел «несчастный» случай, в результате которого архиепископ Павел получил сильнейшие ожоги химическими веществами по всему телу и не смог вылететь из Новосибирска в Москву². После этого гонения против него усилились. Осенью 1971 г. Владыка Павел получает патриар-

² См.: *Василий (Кривошеин), архиеп.* Поместный Собор Русской Православной Церкви и избрание патриарха Пимена. СПб: Сатисъ; Держава, 2004. С. 164.

ший указ о переводе на другую кафедру. Много ему пришлось перенести скорбей и в дальнейшем. Жизнь архиепископа-исповедника еще ждет своего исследователя.

Текст воспоминаний публикуется по современным правилам публикации архивных документов.

Вступительная статья и публикация А. Сухорукова

А.И. КУЗНЕЦОВ³

ПАМЯТИ
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОГО АРХИЕПИСКОПА
ПАВЛА

Биографические черты. Некролог

Астрахань.
Январь, 1979 год⁴.

«О милых спутниках, о тех, которые
как свет
Своим участием для нас животворили,
Не говори с тоской: — Их НЕТ,
Но с благодарностью — БЫЛИ».

В.А. Жуковский

Замечательный иерарх Русской Православной Церкви Архиепископ Павел, в миру Евгений Павлович Голышев, родился 6/19 сентября 1914 года в семье екатеринославского помещика-инженера Павла Кирилловича Голышева, получившего в свое время образование в одном из петербургских учебных заведений и работавшего в Екатеринославле (Днепропетровске). Мать Евгения была также образованной женщиной, занимавшейся общественной деятельностью — попечительницей о бедных.

В конце 1918 года семья Голышевых эмигрировала за границу: сначала в Турцию, затем во Францию и окончательно поселилась в Бельгии. Маленький Евгений помнил в некоторых подробностях этот переезд на чужбину и иногда рассказывал о нем.

³ Здесь и далее выделено прописными буквами в источнике.

⁴ Очевидно, это опечатка. Архиепископ Павел (Голышев) скончался в январе 1979 г. Как пишет в конце своих воспоминаний А.И. Кузнецов, он узнал о его кончине в мае 1979 г. Поэтому вместо «1979 год», вероятно, следует читать «1980 год».

Благодаря профессии инженера и хорошего знания французского языка отец Евгения вскоре приобрел заметное служебное положение; через некоторое время и мать занялась общественной деятельностью в качестве дамы-патронессы над богоугодными заведениями, в которых жили бедняки, главным образом русские эмигранты.

Уклад нашей жизни за границей, вспоминал Владыка, оставался русским, православным, как и на родине. Нас воспитывали в правилах нашей веры: учили молитвам, водили в храм, мы исповедовались, причащались; в доме отмечались все православные праздники, посты, на Рождество украшалась елка, на масленицу пекли русские блины. Когда наступала пора к уразумению наук, родители обучали нас: Закону Божию, русскому языку, грамматике, арифметике. Одним словом, во всем был «русский дух, здесь пахло Русью». Все было русское и настолько родное, что отец запрещал нам употреблять дома французский язык. Все члены семьи строго повиновались отцовскому запрещению и говорили по-русски.

Как только Евгений достиг школьного возраста, его определили в колледж, в котором он окончил курс с отличием. Он показывал мне аттестат об окончании колледжа, французский текст аттестата удостоверял отлично полученное им образование. К аттестату был приложен одобрительный отзыв о его поведении, с рекомендацией на случай поступления его в высшее учебное заведение.

«Итак, мне был открыт путь к дальнейшему образованию», — вспоминал Владыка. «Профиль, в котором я страстно желал специализироваться, для меня был единственным стремлением». Об этой поре своей жизни, в одном из своих писем ко мне, он говорил так: «Богу угодно было, чтобы еще с детства я был воспитан в страхе Божиим, в любви, послушании и преданности православию, и это воспитание определило во мне стремление к богословскому образованию, мое поступление в Русский Парижский Богословский Институт было несомненным произволением Божиим обо мне».

Кстати, несколько слов об этом институте. Он был основан митрополитом Волынским Евлогием (Георгиевским) в середине двадцатых годов. Митрополит Евлогий в период гражданской войны в нашей стране эмигрировал за границу, проживал сначала в Германии, а затем, войдя в юрисдикцию Константинопольской Патриархии, стал главой всех находящихся за границей русских приходов. На этом посту он развил широкую деятельность, главным образом, по строительству русских православных храмов. Забегая вперед, можно сказать, что к концу своей жизни, православные русские храмы, усердием и энергией митрополита Евлогия, были созданы во многих городах Франции.

Говоря об институте, нельзя не упомянуть, что сначала, как и всегда и везде, институт испытывал большие трудности, помещался он на Рю-Дарю в тесных комнатах, не хватало средств на его содержание, и только с течением времени, мало-помалу он приобрел вид высшего учебного заведения, так необходимого для подготовки кадров в связи с широким развитием храмостроительства.

Этот институт — памятник митрополиту Евлогию.

Институт располагал высококвалифицированными кадрами из числа русских богословов, проживавших в те времена в Париже, богословской библиотекой и всем необходимым.

Вот в этом храме науки начал новую жизнь студент Евгений Голышев, который, по собственному признанию, в течение четырех лет учебы неизменно мечтал о своей будущей пастырской жизни. Он вступал в юношеский возраст, принося с собою страстную жажду познания и твердо веря в возможность безусловной полноты его. Как бы потом ни сложилась жизнь, она всегда будет добрым служением людям.

О той поре своей жизни Владыка Павел рассказывал мало, разве только иногда добрым словом вспоминал об удивительном человеке — митрополите Евлогии, его непревзойденной энергии в строительстве церковной жизни на чужбине, о любви к родине и отеческой заботе об учащихся. Кстати упомянуть, что Евгений был близок к митрополиту и часто приглашал в его покои для непринужденных бесед. По свидетельству его задушевного товарища по институту, ныне здравствующего архиепископа Канадского Сильвестра (Харуи), Евгений был очень прилежным, немного застенчив, внимательный, дисциплинированный студент. Почти то же о нем говорил автору этих строк также ныне здравствующий ярославский протоиерей о. Борис Старк, живший в то время в Париже: «Евгений был высок, худощав, хорошо воспитан, нежен. Среди русской молодежи он слыл общительным, скромным, застенчивым. Мы все звали его «Женичка» даже и тогда, когда он был уже иеромонахом». Н.А. Полторацкий, преподаватель Одесской семинарии, знал Евгения по Парижу. По его словам, Евгений был скромным, добрым, лучше всех нас владевшим французским языком.

По окончании института Евгений принял монашество с именем Павел. Вскоре он был рукоположен в сан иеродиакона, а затем в сан иеромонаха. Первые шаги пастырского служения иеромонах Павел сделал в Парижском Александро-Невском соборе, а затем, по поручению митрополита Евлогия, в разных приходах французских городов: в Туре, Тулузе, Нанси, Тулоне и др. Вспоминал Владыка Павел: «Бы-

вало пригласит меня к себе митрополит Евлогий и скажет: «Вот там-то проштрафился священник и приход опустел, поезжай, мой милый, туда, устрой там все как следует», — и я, конечно, ехал. Такой разговор с митрополитом Евлогием повторялся, и я опять отправлялся туда, где нужно было кого-то заменить, что-то наладить или устранить. Можно сказать, я был на положении посла и от этой обязанности никогда не уклонялся.

В ходе Второй мировой войны Франция, как известно, была оккупирована немцами. Париж превратился в немецкую цитадель. В это время я служил в церкви города Тулона. Там размещались лагери военнопленных, главным образом, русских солдат. Как-то я получил записку с просьбой посетить один из лагерей. Я, конечно, пошел. Без особых затруднений добился разрешения немецкой комендатуры посетить пленных. Узники окружили меня; моя беседа с ними длилась 25 минут и касалась только религиозной темы, о христианском терпении и надежде. При прощании некоторые узники целовали мой священнический крест. И еще раз я посетил этот лагерь, явившись туда с запасными дарами, которыми напутствовал четырех больных пленников. Но кому-то моя связь с лагерем показалась вредной, недопустимой, и я был арестован и доставлен в Париж, но, к счастью, мой арест длился около двух дней, и я был освобожден.

В 1946 году скончался мой благодетель, митрополит Евлогий, а вслед за ним и мой отец, живший после кончины моей матери в Париже. Мы остались втроем — три брата; двое обзавелись семьями, им было не до меня — одинокого монаха. Мысль, что я должен вернуться на Родину и послужить русскому православному народу, владела мною давно, и вот теперь, когда многие из эмигрантов потянулись в родные края, я понял, что наступила и моя черда увидеть свою родину, жить и трудиться для верующего народа, и я поехал».

2.

Далее следует его «русская» биография, из которой следует, что по прибытии игумена Павла на Родину, он был принят в число братии Троице-Сергиевой Лавры, исполняя там послушание казначея, затем был назначен преподавателем Одесской духовной семинарии, откуда переведен на ту же должность в Ленинградскую духовную семинарию и духовную академию; некоторое время он состоял в должности секретаря учебного комитета Патриархии, затем служил на приходах г.г. Георгиевска и Кисловодска, отсюда он и был призван к епископству. Его хиротония во епископа была совершена 7 июля 1957 года в Москве в церкви Петра и Павла (у Преображенской заставы).

В хиротонии участвовали: митрополит Николай (Ярушевич), архиепископ Финляндский Павел (Ольмари) и епископ Михаил (Воскресенский). С 7 июля 1957 года епископ Пермский и Соликамский, с 15 сентября 1960 г. епископ Астраханский и Енотаевский; на этой кафедре он был удостоен сана архиепископа. С 23 июня 1964 г. по 10 ноября 1971 года он управлял Новосибирской и Барнаульской епархией; с 10 ноября 1971 г. по 11 октября 1972 г. архиепископ Павел управлял Вологодской епархией, откуда он и был уволен на покой. 25 октября того же года владыка Павел покинул Вологду и переехал в Кисловодск на жительство; в Кисловодске он прожил до 25 октября 1975 г., когда и выбыл за границу: сначала во Францию, а затем в Бельгию.

Познакомился я с Владыкой Павлом вскоре по приезде его в Астрахань, с этой поры я стал его биографом, потому, что его жизнь и деятельность проходили на моих глазах. Часто мы с ним встречались, он делился со мною всем тем, чем обыкновенно делятся с искренними друзьями и прибегал к моим советам, когда ему была нужна юридическая осведомленность в вопросах административных.

У Владыки была отличная библиотека, как из творений многих отцов Церкви, так и прочей редкой фундаментальной литературы. Все это он привез с собою в Астрахань и, однако, он всемерно и с энтузиазмом продолжал пополнять ее приобретением все новых и новых книг, и это ему удавалось как в Астрахани, так и в Новосибирске. Я вволю пользовался его книгами.

В Астрахани Владыка Павел пользовался большим авторитетом у верующих. Они ценили его святительские качества и монашеские добродетели: мистический склад его души, аскетизм, незлобие; они любили его торжественные богослужения в переполненных храмах, его проповеди, в которых он неизменно призывал к миру между людьми и любви к ближним. На любовь к нему верующих владыка и сам отвечал любовью и единением с народом, разумеется, что, по учению нашей веры, между архипастырем и пасомыми должен быть тесный союз, т.е. такое единение, чтобы явно ощущалось биение одной духовной жизни.

Архиепископ Павел принадлежал к сонму тех иерархов, жизнь и деятельность которых заключалась в проповеди христианских идей, беззаветной преданности Христовой Церкви, глубокой веры. Это был один из тех, кто принимал избранную идею так, что она заслоняет все другие.

Владыка строго оберегал церковную дисциплину, [был] непримирим ко всякого рода вторжениям в жизнь церкви антицерковных сил и настроений. В общем-то Владыка житейски не очень был прак-

тичен, но тут проявлял чудеса настойчивости, упорства и находчивости. В этом, пожалуй, одна из черт, ярких черт архипастырской деятельности Владыки Павла: мужество и стойкость в исполнении святительского долга.

Казалось бы, что здесь на Астраханской кафедре судьба благоприятствовала Владыке во всем, но, к сожалению, он не избежал разного рода невзгод. Проповедь торжествующего Креста и любовь верующих к своему архипастырю явно тревожили антицерковные силы. Чтобы возбудить в среде верующих недоверие к Владыке и ослабить его влияние на них, они прибегали к недостойным приемам: через печатное слово они приписывали владыке лицемерие, ханжество и прочие низкие качества и даже присвоение церковных денег. Конечно, ничего этим они не достигали: верующие слишком хорошо разбирались в том, где правда и еще теснее стремились к владыке. Конечно, рассуждая по человечески, незаслуженная обида оставалась обидой, Владыка не мог спокойно относиться к такого рода надругательствам над его сокровенными чувствами и, разумеется, скорбел. В самом деле, есть же общечеловеческие нормы поведения, правила человеческого общежития, добрые отношения человека к человеку. Помню, как он переживал, когда в местной газете появилась клеветническая статья, приписывавшая владыке присвоение 10000 рублей церковных денег. Мы поехали с Владыкой к редактору газеты с просьбой о напечатании в газете опровержения очевидной лжи и клеветы в печати. Но редактор нас не принял: «он был занят». На вопрос, когда он может нас принять, секретарь ответила: «Никогда», — и поторопилась захлопнуть дверь. Обескураженный Владыка пробовал обращаться за защитой в центральные газеты, в комитет по делам религий, в Патриархию, но ничего не добился. Так, право сильного восторжествовало. Владыка был потрясен и обижен этой явной клеветой. Самая сильная обида та, на которую нельзя ответить.

Много всяческих невзгод пережил Владыка и от исполнительного органа кафедрального собора, члены которого не столько управляли приходом, сколько дискредитировали приходскую жизнь постоянными ссорами, враждой, драками. Владыка не мог спокойно относиться к такому бесчинству и принимал всяческие меры к умиротворению антицерковных настроений в среде исполнительного органа, но все его усилия оказывались тщетными.

В конце июня 1964 года архиепископ Павел получил патриарший указ о переводе его в Новосибирск. Это известие опечалило и самого владыку и, конечно, верующих астраханцев. Владыка полюбил свою астраханскую паству и не хотел с нею расставаться. Как только было

получено это известие, астраханцы толпились у архиерейского дома, в соборе составлялись петиции на имя патриарха об отмене указа, некоторые вызвались лично поехать в Москву с ходатайством об оставлении Владыки в Астрахани. И сам Владыка послал об этом прошение патриарху. Вслед за прошением мы вылетели с ним на самолете в Москву и там имели аудиенцию у патриарха Алексия. Его Святейшество было непреклонен и отклонил нашу просьбу.

3 июля 1964 года Владыка Павел совершил в соборе прощальную литургию, затем со слезами сказал прощальное слово. Всеобщий плач, искренние слезы при расставании, трогательные напутствия, пожелания и разнообразные знаки сердечной любви и признательности, какими дарили верующие люди любимого архипастыря.

4 июля Владыка Павел вылетел в Новосибирск.

3.

В сентябре того же года я получил от него телеграмму, приглашавшую меня в Новосибирск. В аэропорту меня встречал Владыка. Самолет опаздывал, но у владыки хватило терпения ждать. Мы обрадовались друг другу и на автомашине скоро добрались до архиерейской резиденции, находившейся на окраине города (Деповская, 15) и состоявшей из трех небольших домиков. Несмотря на некоторое убожество домов, в одном из них (архиерейских покоях) было просторно, чисто, уютно, в углах икона с лампадами, простая мебель, на полу дорожки. Мне была отведена маленькая комната с кроватью и столиком; в ней я прожил десять дней, а когда собрался уезжать, владыка с грустью сказал: «Вы покидаете меня, без Вас скучно, впрочем, надеюсь видеть Вас у себя в январе». Мой приезд в Новосибирск не был вызван какими-либо деловыми соображениями, а простым желанием дружеской встречи. Мы много и подолгу беседовали, а после ежедневных обедов совершали городские и загородные прогулки на автомашине. Владыка с радостью рассказывал о восторженной встрече его новосибирцами, о множестве богомольцев за его богослужениями. Он уже побывал в нескольких городах своей обширной епархии и всюду он был встречен верующими с любовью и уважением. В общем, церковная жизнь здесь по его словам шла на удовлетворительном уровне. Одно его мучило и приводило в печальное состояние – сильные головные боли, которые выводили его из равновесия. Я был свидетелем этого мучительного состояния Владыки. По ночам к нему дважды-трижды была вызываема «скорая помощь», в доме начинался переполох, никто не спал. Врачи утоляли боль сильно действующими средствами и уезжали, чтобы вскоре опять вернуться. Утром болящий

появлялся с бледным, усталым лицом. В этот приезд при мне было 3—4 таких происшествия. Днем Владыка был весел, мило шутил, принимал посетителей, хотя по обычаю за столом совсем мало ел, зато предупредительно угощал сотрапезников. Вечером Владыка заходил ко мне в комнату и иногда с подносом в руках; на подносе лежали апельсины, яблоки, пирожное и бутылка лимонада. «Это Вам приятное», — говорил по-латыни Владыка. Мне было совестно от такого радушия доброго хозяина и, конечно, приятно за его любовь.

Затем я был у Владыки в январе следующего года (ко дню его ангела), а вообще за восьмилетнее пребывание его в Новосибирске я приезжал к нему много раз. Я присутствовал на его торжественно-умилительных богослужениях, видел, как и в Астрахани, массу богомольцев и их видимую любовь к своему архиерею и его ответную любовь, люди встречали его в церкви, провожали домой, а иные посещали его дома и никогда не испытывали в этом отказа любвеобильного Владыки.

Я наблюдал: Владыка был всегда занят. Он управлял самой большой епархией, в которую входят: Новосибирская, Барнаульская, Красноярская, Томская, Кемеровская и Новокузнецкая области. Везде надо побывать, и не только в областных центрах, но и в городах, подчиненных им. Владыка не оставлял попечений о них и часто бывал в разъездах. А дома, в приемной почти ежедневно: протоиереи, священники; одни приезжавшие по вызову, другие без вызова; наконец, верующие с своими нуждами. Корреспонденцию, поступившую за день, владыка откладывал на вечер. Одним словом, заботы, нескончаемые заботы! А тут еще одна забота: уже к 1965 году возникли разногласия с уполномоченным по Новосибирской кафедре.

В 1968 г. возникла новая забота: по решению городских властей подлежали сносу все постройки архиерейского управления. Пришлось искать нового убежища. Но ничего не нашлось, и в этих условиях владыка решил купить собственный дом. Он был куплен на улице Жуковского, 51. Дом не совсем был удобен для расположения в нем всех частей епархиального управления и требовал капитальной перестройки. И вот началась перестройка дома и застройка земельного участка.

Я несколько раз ездил с Владыкой на место работ. Владыка обходил объект, давал рабочим указания: «Эту дверь надо перенести сюда, коридор нужно расширить; вот эта большая комната будет церковью, вот здесь будет иконостас», — пояснял он. Потом спускались в нижний этаж, и здесь такие же указания Владыка [давал] строителям. Во всем виден вкус и организаторский талант Владыки.

Через полгода я был на новоселье. Дом выглядел как бы заново построенным. Внутренняя отделка, особенно верхнего этажа, приводит в восхищение, кругом все блестит, все удобно, красиво. Умилительный вид крестовой церкви, сооруженной в доме, при особом руководстве Владыки. Резной иконостас с царскими вратами, сделанными жителем Новосибирска, православным китайцем, выглядит необычайно красиво, с большим художественным вкусом. Все удобно и восхитительно. Даже уголок природы, страстный любитель и ценитель которой, Владыка, разместил в свободном помещении (особом): в нем десяток клеток с канарейками и другими разноцветными птицами, красивые белые голуби, белки в колесе и даже говорящий красно-синий попугай «Ара», который отвечает на приветствие словами: «Здравствуй, Ара». Кругом цветы: на окнах, под окнами, у стен, в подвешенных к потолку горшках. В общем, здесь в полном смысле комната природы: Владыка сам ухаживает за всем, что находится в этой комнате и очень разбирается в ботанических свойствах цветов.

В одноэтажном перестроенном флигеле во дворе разместились: приемный кабинет Владыки, комнаты: секретаря, бухгалтера, машинистки, за стеною маленькая гостиница для приезжающих, а рядом — жилье для находящихся в доме старушек — монахинь, во дворе отопительная котельная и гаражи. Одним словом, это своего рода небольшой административно-жилой комплекс.

Почти одновременно по инициативе Владыки и трудом о. Николая Чугаинова происходили другие большие сооружения — построены: каменная ограда вокруг кафедрального собора, в ограде — двухэтажная каменная крестильня, красивая и вместительная, обновлен иконостас собора, владыка украсил престолы собора металлической одеждой. Приделы собора украшены большими священными полотнами с изображениями: Николая Чудотворца и Серафима Саровского (приделы их имени). Кстати, эти картины Владыка купил в Москве в моем присутствии. Все эти работы, предпринятые по воле Владыки Павла, требовали много усилий, труда и хлопот в преодолении различных препятствий, трудностью приобретения строительных материалов. Только настойчивость и желание благоустроить храм помогли успешно завершить дело и придать храму приличный внешний вид и внутренний.

Может быть, все упомянутые факты деятельности Владыки Павла малозначительны, и тем не менее, факты имеют сами по себе важное значение по той ближайшей причине, что польза, какая может быть извлечена из самих фактов, становится очевидной. На высокой степени нравственного развития личность и характер человека познается по его труду — высшему строю жизни.

Владыке Павлу не суждено было долго жить в этом доме. Остался вещественный памятник его трудов, он сам воздвиг его себе. Однако, живет и здравствует другой труженик – исполнитель предначертаний владыки – его секретарь отец Николай Чугайнов.

Некоторые не умеют поддерживать сочувствием и уважением тружеников. Они смотрят на их усилия и труд с безучастным и ленивым любопытством или, как сказал Некрасов: «с зловещим тактом сторожа их неудачу». Неудача при этом строительстве действительно подстерегала о. Николая и жестоко обошлась с ним, до тех пор, пока очнувшаяся действительность не увидела его бескорыстия и пользу, принесенную им.

Приятно вспомнить о молодежи, которая постоянно окружала архиепископа. Их влекли к нему его добродетели, доброта и простота обращения с ними. Это добрый пример прошлого, какой сохранил в своей душе Владыка от общения с митрополитом Евлогием. Владыка Павел отвечал молодежи любовью и заботой о них. Только личной заботой и ходатайством перед учебными заведениями некоторые юноши поступили и окончили духовные семинарии, а двое из них духовную академию. Сейчас все они трудятся на ниве Божией, сохраняя благоговейную память о владыке Павле.

По своей доброте Владыка Павел помогал неимущим, постоянным обитателям церковной ограды. Одни приходили действительно неимущие, а другие ради обмана. Я помню одного такого субъекта, который в моем присутствии остановил Владыку, он не просил милостыню, а как бы требовал ее с какой-то удивительной настойчивостью, даже выражением некоторой гордости, будто это была не милостыня, а требование долга или казенная пошлина. Владыка не разбирался в качестве просьбы: «Раз просят, значит надо давать».

К концу службы владыки в Новосибирске подземные мутные источники выбросили на поверхность грязные инсинуации против него. Кто знает, откуда они и кто их сочинитель, но факт тот, что они были сродни астраханской клевете о присвоении Владыкой 10 000 руб. Впрочем, мошенники и пасквилянты вскоре дали о себе знать. О двух таких лицах Владыка сообщил мне в одном из писем: «Вы упомянули о двух „типах“, которые якобы были моими иподиаконами... в действительности они не занимали никаких должностей, к тому же, один проживал в Томске, а другой в Кемерово. Тот, который проживал в Томске, однажды явился к игумену Роману (настоятелю 2-й церкви Томска) и показал ему кипу грязных бумаг-пасквилей против меня, сделанных по заказу... (тут упоминается лицо, сделавшее заказ – один из священнослужителей. — А.К.) и предложил ему купить эти

бумажки. Игумен Роман выгнал этого продавца. Кстати, он вскоре был осужден к 7-ми годам за какие-то проделки. Другой «тип» показывал священнику из Кемерово, талоны денежных переводов от того же лица (т.е. сочинителей пасквилей — А.К.).

В конце октября 1971 г. владыка Павел получил патриарший указ о переводе его на Вологодскую кафедру. По словам владыки, этот беспричинный перевод вызвал у него чувство глубокого огорчения и настороженности.

Проводы Владыки из Новосибирска были трогательными. Верующие поднесли Владыке адрес, в котором, между прочим, говорилось: «В час разлуки мы, как любящие и преданные тебе, дорогой владыка, сердцем сливаемся с тобою и вместе со скорбью переживаем твою и наше церковное горе. Но вместе с тобою преклоняем благоговейно головы перед промыслом Божиим, благословляем тебя пройти с честью великой свой восьмилетний путь на нашей Новосибирской кафедре и сохранить бодрость духа⁵, вместе с тем мы благодарим Бога, что Он послал тебя править нами и мы все увидели в тебе поистине пастыря доброго. Ты приобрел за свои душевные качества всеобщую любовь и искреннее уважение. Нас влекли к тебе твой кроткий нрав, простота и доступность и непостижимое умение сочетать величие архипастыря с любовью отца. Полный пламенной веры в Бога, щедро наделенный духовными дарами, ты был руководитель нашей духовной жизни...»

(Окончание следует)

A.KUZNETSOV'S MEMOIRS OF ARCHBISHOP PAVEL (GOLYSHEV)

The publication is devoted to the memory of the remarkable hierarch and confessor Archbishop Pavel (Golyshev), with whom the author of this article, A.Kuznetsov, a lawyer and Church historian, maintained friendly relations for many years.

⁵ Так в тексте.